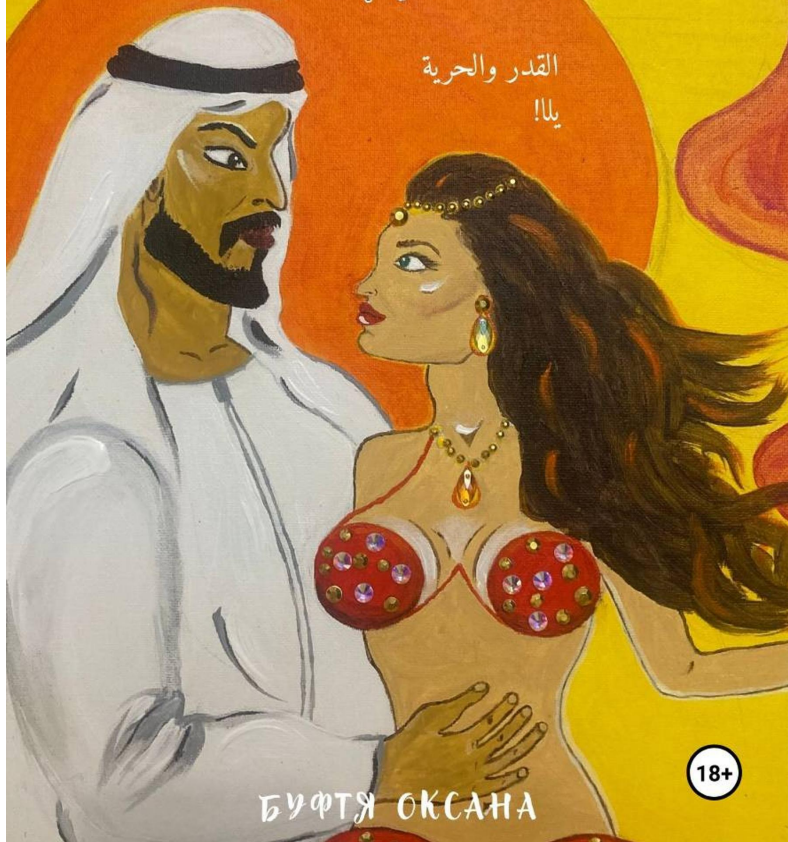

ТАНЦОВЩИЦА И БЕДУИН

القدر والحرية
يلا!

БУФТЯ ОКСАНА

18+

Оксана Буфтя

Танцовщица и Бедуин

<https://litres.ru/74076806>

SelfPub; 2026

Аннотация

Автобиографическая психологическая драма.

Аксинья прячет свою старую кровь из жесткого детства в гипнотическом ритме танца живота. Саиф — эмиратец, который заживо похоронил себя под обломками машины в смертельной аварии. Две искалеченные, сломанные изнутри души замкнулись друг на друге в абсолютной, глухой зависимости. Но в Эмиратах законы клана не дают осечек. Семья решает стереть чужачку из базы данных за двадцать четыре часа.

Это история о цене свободы и выборе, перед которым окажется каждый из них. Возможно ли сбежать от прошлого, когда на кону стоит все, включая собственную жизнь?

Содержание

1. ШЁПОТ ЛИВЫ	4
Золотой час бедуина	7
«Обещаю, мама...»	13
2. ШИК ШАК ШОК	16
Махраганат	23
Упрямая верность.	27
Песок	29
3. ОДЕЯЛО ИЗ СОЗВЕЗДИЙ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Оксана Буфтя

Танцовщица и Бедуин

1.ШЁПОТ ЛИВЫ

То, что написано у тебя на лбу, твои глаза обязательно увидят.

Старинная арабская мудрость.

Маленький Саиф шёл наперекор зною необъятной пустыни Ливы. Ферма отца осталась далеко позади, а солнечный горизонт впереди уже возводил свои эфемерные замки. Мальчик преследовал отбившегося хуара, чувствуя, как под босыми ногами ворочается раскалённая шкура песчаного Фалака[1]¹Он остановился, чтобы вытряхнуть песок из складок своей маленькой дишдаши, и в эту секунду тишина пустыни изменилась. Ветер, до этого выписывавший на гребнях дюн тонкую змеиную вязь, вдруг стал колючим и холодным. Из полуденного диска отделился силуэт. Мальчик

¹ [1]Фалак – в арабской мифологии змей, обитающий в подземной бездне под семью кругами ада. По легенде он настолько огромен, что способен проглотить весь земной мир.

поднял глаза и увидел женщину в черной абайе от которой исходил запах старой кожи и горькой гвоздики. Он решил предложить ей финик, завалившийся где - то в кармане кандуры или глоток воды. Он окликнул её:

— Хала, вам помочь? — Она медленно начала приближаться к нему. Гулкое пение Ливы замолкло. Наступила тишина. Его сердце трепыхалось, как обезумевший джинн, запертый в медной лампе.

Теперь она стояла прямо перед ним и в её глазах, похожих на две высохшие колодезные ямы, он увидел имя своего будущего баля. Белая птица уже венчала его судьбу, хотя в небе Ливы в тот час не было ни одной живой души. Старуха выглядела, как черная дыра в пространстве, застывшая в самом сердце света. Ветер не смел шевелить подол её платья, пока она смотрела на мальчика своими мертвыми глазами.

— Смотри туда, Саиф — говорит она, указывая костлявым пальцем в сторону бесконечных песков. — Твой путь пересечет птица, которая не принадлежит этой земле. Белый Лебедь с глазами, полными чужих морей. Он приземлится у твоего шатра, и ты решишь, что ты его хозяин. Ты можешь накормить птицу своим фиником, можешь играть ей на дудочке до рассвета, но ты никогда не сможешь сделать песок её домом. Она прилетит на твои пески и научит твое мертвое сердце петь. Но берегись.

Каждый, кого ты согреешь своим пламенем, сгорит дотла. Не вздумай коснуться её крыльев. Ибо твоя нежность для

неё — гибель, а твои объятия — капкан. Чтобы её встретить ты должен остаться один.

Дрожащими руками она передала ему белое перо.

Мальчик смотрел на свою ладонь, а когда поднял глаза — старухи не оказалось. Только ветер слизывал её следы с лица дюн и в ушах осело эхо пророчества, которое он будет носить в себе пятнадцать лет, пока однажды в свете прожекторов не увидит то самое движение крыльев.

По дороге домой Саиф вспоминал истории сестёр о миражах, впрыгнувших в пустыню. Они рассказывали легенды о снах пустыни (Ахлям ас-сáхра), когда раскалённые пески умеют оживать. Сестры шептали, что в самый жестокий зной земля ткёт из горячего воздуха живые фантомы. Эти обманчивые тени принимают облик твоих близких, зовут тебя по имени и уводят за собой вглубь барханов. Видения кажутся настолько осязаемыми, что путник слепо идёт за ними, сходя с караванной тропы, пока бесплотные люди не рассыплются в пыль, оставляя его умирать в одиночестве. Он попытался забыть эту старуху. «Но откуда она знает мое имя? Хм. Может и правда солнце печет слишком сильно...»

Золотой час бедуина

Воздух в Ливе перед рассветом прохладен и чист, как ледяная вода из путнического бурдюка. Это время называется «Фаджр». В этот час мир еще не принадлежит людям — он принадлежит Богу и ветру.

Саиф проснулся за несколько минут до призыва муэдзина. В родительском доме всегда пахло одинаково: разогретым за день камнем, сухой полынью и ароматом кардамона, который уже начал томиться в кофейнике матери. Он совершал омовение медленно, ощущая, как холодные капли воды стекают по крупным сильным предплечьям. В свои двадцать пять Саиф уже налился тяжелой силой породистого бедуина. Каждый всплеск воды возвращал его из мира снов в реальность, которая тогда казалась незыблемой, как скалы Хаджар.

Выйдя во внутренний дворик, он увидел мать. Она стояла на молитвенном коврике — белый силуэт на фоне гаснущих звезд. Её молитва была тихим шёпотом, удерживающим небо над их домом. Он встал позади и внутри у него угнездилось чувство абсолютной, почти болезненной безопасности. Он был частью целого. Он чувствовал себя продолжением непрерывного кочевья бедуинов, чей путь был предначертан на столетия вперед.

Когда первый луч солнца окрасил дюны в цвет спелого

абрикоса, они пили чай.

— Сабах эль нур, уми, — нежно произнес Саиф, приветствуя мать светлым утром, и с глубоким почтением поцеловал её сначала в голову, а затем в руку. Мать посмотрела на него, и в её глазах, окруженных сухой сеточкой морщин от вечного прищура на солнце, светилась тихая гордость.

— Пора подумать о дочери Мухаммеда, — сказала она — Она тихая, как покой в глубине харима. Она хорошо воспитана и будет достойной женой для тебя.

Она — та земля, на которой ты построишь свой дом, сын мой. Обещай мне, что когда мужское сердце начнет искать бури, ты вспомнишь о моих словах.

Он рассмеялся, молодой и бессмертный в своем неведении.

— Обещаю, мама. Разве может бедуин мечтать о чем-то, кроме своих верблюдов и верного дома?

— Парни в нашей стране любят развлекаться с приезжими иностранками. Но только девушка из нашего племени может дать тебе успокоение и статус.

— Иншалла. Это будет мой самый драгоценный цветок.

— Твой отец уже договорился о встрече с её отцом. Иншалла. Все пройдет хорошо.

Перед выездом Саиф бросил быстрый взгляд в зеркало. Из отражения на него смотрело лицо молодого эмирата: открытый, уверенный взгляд темно-карих глаз и строгий, резной кант короткой черной бороды, бывшей неруши-

мым каноном облика любого жителя Залива. Сегодня он не собирался на официальную встречу, поэтому накинул черную футболку, которая подчеркивала атлетичный каркас его плеч, и привычно поправил козырек спортивной кепки, одной из своей коллекции.

Вечером, перед тем как уехать в пески, Саиф заглянул в женскую половину дома. Мать сидела на ковре, перебирая пальцами узкие полоски высушенных пальмовых листьев — она плела традиционную корзину. Стоило ей увидеть сына, как её лицо осветилось беззаветной любовью. Она нежно поправила ворот его футболки и тихо прошептала:

— Береги себя, ты — сердце этого дома.

В этот момент в комнату влетел младший брат, десятилетний Малик. Он тут же вцепился в руку Саифа, преданно заглядывая в глаза:

— Возьми меня с собой на дюны! Я буду, как ты!

Саиф рассмеялся, взлохматил волосы мальчишки и пообещал, что научит его управлять внедорожником, как только тот подрастет. Он чувствовал себя в этот миг неуязвимым титаном: за его спиной стояла вековая мощь отца, а в руках была нежность матери и безграничное доверие брата. В этой семейной пирамиде он был главным фундаментом, на котором держался их мир.

Саиф достал из кармана маленькую бархатную коробочку и протянул её матери. Внутри на черной подложке сия-

ла изящная золотая подвеска, на которой искусной арабской вязью было выгравировано слово «Благословение». Её руки дрожали от нежности, когда она бережно приняла подарок.

— Да вознаградит тебя Аллах, сын мой, за твою щедрость и доброе сердце, — тихо прошептала она, прижимая украшение к груди, а её глаза влажно заискрились от благодарности.

— Это символ того, что ты всегда под моей защитой, — ответил он, и в этот момент Малик дернул его за край кандуры.

— А мне? А мне ты обещал! — Саиф, смеясь, вытащил из-за спины миниатюрную копию своего внедорожника.

— Держи, мелкий. Будешь тренироваться на ковре, пока я не пущу тебя за настоящий руль.

Малик восторженно закричал и бросился брату на шею. В этой комнате, пахнувшей теплом родного крова и детским смехом, Саиф чувствовал себя абсолютно счастливым. Он был их защитником, их кумиром, их будущим.

Дюны Ливы любят сильных и Саиф это знает. Для него стометровые барханы словно декорации к бесконечному лету и свободе. Он вжимает педаль своей кастомизированной Тойоты в пол и внедорожник, взверев, взмыл на гребень дюны Мориб, выбрасывая в небо тонны золотого песка. Рядом, в таких же машинах, несутся его друзья — Карим и Рашид. Они перекрикиваются по рации, смеются соревнуются, кто сделает самый опасный «слайд» по склону, едва не перево-

рачивая махины на бок. В салоне на полную мощность гремит арабская местная музыка. Саиф вылетает на вершину, резко бьет по тормозам и замирает. Позади осталась низина песочной горы. Он кладет руки на руль и бросает взгляд в зеркало заднего вида: бархан окончательно побежден. Вершина была взята и теперь его внедорожник властвовал над пустыней. Он чувствует себя королем этого мира. Впереди вся жизнь, неисчерпаемый счет удачи и дерзкое ощущение вечной молодости.

Вечером парни разбили лагерь в глубокой впадине между дюнами, скрытой от ветра. Они говорили о лошадях, о планах поехать в Дубай на выходные, вечеринках и девчонках. Карим достал из багажника кальян, Саиф раскинулся на валиках-тека, брошенных на песок, и смотрел на звезды.

— Скоро твоя свадьба, Саиф. Мы теперь не сможем брать тебя на вечеринки с девчонками — пошутил Рашид — Женатый мужчина — это скучно.

— Иншалла Рашид, к тому времени у меня будет второй дом в Дубае, о котором моя жена даже не узнает.

Их дружный самоуверенный смех разлился в пустоте ночной пустыни, подхваченный эхом между дюнами Ливы. Они хохотали, запрокинув головы к небу, наслаждаясь моментом, своей силой и бесконечной ночью. А на Востоке ночи бесконечные.

Прошли сутки. Новое утро принесло в дом уютный запах свежего хлеба.

— Хабиби, Саиф, ты совсем не ешь, — мягко упрекнула его мать, пододвигая тарелку с финиками. — Тебе нужны силы. Твой отец вчера снова говорил с Мухаммедом.

— Мама, отец всегда о чем-то говорит с дядей Мухаммедом. У них дела.

— Дела делами, но пора подумать и о байте — о твоём собственном доме, — она ласково коснулась его руки. — Его дочь, Лейла. Она выросла настоящей красавицей. Машалла, скромная, образованная. Отец уже договорился о встрече с её родителями на следующей неделе. Мы поедем все вместе.

Саиф поставил чашку на стол. Внутри было лишь спокойное принятие судьбы. В их мире так было заведено, и он, как достойный сын, не собирался идти против воли семьи.

— Если отец считает, что время пришло, я не стану спорить, — ответил он, слабо улыбнувшись.

Он легко дал эту клятву, не зная, что через несколько часов она превратится в железный ошейник на его шее. Он не видел, как высоко в небе, в ослепительной синеве, уже кружила одинокая птица, не похожая на местных соколов. Белое перо медленно опускалось на песок у его ног, но он был слишком занят своим счастьем, чтобы заметить это предупреждение.

Мир был безупречен. И это было последнее утро жизни, в которой не существовало боли.

«Обещаю, мама...»

— Дай мне сесть за руль, папа — попросил Саиф отца — Я хочу въехать на их виллу сам, как мужчина. — Отец гордо усмехнулся и бросил ему ключи. В этот день на Саифе была самая лучшая белоснежная кандура, а воздух в машине был пропитан торжественностью. Они ехали в Аль-Айн на аль-хитбу — официальное сватовство, важнейшую встречу с отцом его будущей невесты. Отец сидел на пассажирском сидении, то и дело поправляя свою гутру и довольно поглаживал свою бороду. Мать специально для этой поездки сменила привычную строгую черную абайю на изумрудную, расшитую золотой канителью, которая сияла в лучах пустынного солнца так же ярко, как и её золото и глаза, полные гордости за старшего сына. Отец всю дорогу давал сыну наставления: как держаться, как смотреть, как показать, что он достойный наследник их рода. Для семьи это был день триумфа, начало новой главы. Саиф слушал его, уверенно держа руль. Он чувствовал себя хозяином судьбы: престижный брак, одобрение отца, впереди статус женатого мужчины и власть. Мать с младшим сыном Маликом на заднем сидении обсуждали дела, смеялись, пересчитывали подарки. Он смотрел в окно на убегающие дюны, когда они съехали на извилистую старую дорогу. На одном из поворотов, прямо перед тем как всё исчезло, он снова увидел его — то самое белое перо. Оно

прилипло к стеклу, распластанное встречным воздухом и казалось, что за окном летит невидимая птица. Саиф нажал на газ, обгоняя медленный грузовик. Он хотел приехать пораньше, хотел показать отцу, как лихо он справляется с машиной на этих опасных поворотах среди песков.

До поворота на Аль-Айн оставалось всего несколько километров. До его новой жизни — всего один разговор.

— Мы почти на месте, — сказал он, бросив взгляд на отца. Это были его последние слова перед тем, как мир с треском лопнул. Скрежет рвущегося металла, дикий, животный визг тормозов. Мир оборвался фатальным аккордом лопнувшего уда. Сокрушительный удар разmozжил пассажирскую сторону, подчиняя и деформируя многотонный внедорожник. Саиф успел только зажмуриться. В салон ворвался раскаленный вихрь из бензиновой гари, пыли и стеклянного крошева, которое лавиной полоснуло прямо по лицу. Машину подбросило, перевернуло и с размаху впечатало крышей в асфальт. Хруст костей. Запах свежей крови, горелой резины и вытекшего антифриза. Внутри салона все утонуло в бордовом хаосе. Перекрывая предсмертную агонию метала, вонзился крик матери — нечеловеческий, рвущий гортань, оборвавшийся в булькающем звуке. Тяжелая, душная тьма накрыла его мгновенно. Он отключился.

Проснувшись через двадцать минут, Саиф подавился собственным криком — боль была невыносимой. Из рассеченного лба заливало глаза. Первое, что пришло в голову —

убираться вон. Переламывая собственное тело, он вывалился наружу через проем, где раньше была дверь. Встал на трясущиеся ноги. Вокруг хрустели осколки стекла, перемешанные с пластиком и кусками чужой плоти. Он шел по обочине, волоча ногу, а каждый шаг отзывался мучительным спазмом спинномозговых нервов. Его собственное лицо, изрезанное до мяса и залитое липкой кровью, превратилось в остекленевший слепок кошмара. Саиф смотрел на то, что осталось от машины: на изуродованные, неестественно вывернутые тела своих самых близких, выброшенные на песок, словно распотрошенные тряпичные куклы. У отца не осталось лица – только страшная рваная рана вместо головы. Мать лежала чуть дальше, неестественно выпрямленная, с застывшими в пустоту открытым взглядом. Брат замер в песке, согнутый пополам, со сломанным шейным позвонком.

В ту минуту Саиф, который ещё час назад смеялся над дюнами Ливии, умер вместе с ними. Осталась только пустая, скулящая от боли оболочка, бредущая среди трупов в мертвой тишине пустынной трассы. Его мать, отец и родной брат были мертвы. Выжил только он один.

2. ШИК ШАК ШОК

У огня, у тлеющих поленьев, в ореоле света
кружится весёлая танцовщица.
Танец её превращает темноту в золотое сияние.

Абу Абд Аллах бен Аби-Эль-Хисал

5 лет спустя

Роскошный отель «Тилал Лива» зажегся яркими огнями посреди дюн. Воздух остывал, дышал камнем и спящей землей. Прямо на открытой лаундж-терассе под открытым небом был расстелен огромный ковер — алое пятно на теле пустыни. Это моя сцена! Когда тишину разорвали первые удары таблы я взлетела под лучи софитов.

На моей голове качался невесомый полумесяц, усыпанный стразами и ограненными самоцветами. Он мерцал. А под ним дымчатая фата, стекала вдоль стана шелковым шлейфом. Костюм смоляного цвета: лиф и юбка. Лиф вспыхивал кристаллами и амальгамой, юбка тоже была закована в стекло и стразы, а два разреза до подвздошных костей, обнажали мои бедра. Серебро на декольте звенело, вторя дробным искрам на ткани. Я танцевала, плетя паутину в ночном воздухе. Я чувствовала себя хозяйкой этой ночи: пере-

до мной зрители со всех уголков земли, а под моими босыми ногами ворс ковра, напитавшийся дневным пеклом Ливы. Еще несколько месяцев назад эти самые ноги замерзли на ледяном асфальте бескрайней, занесенной снегами России, где мороз сковывал дыхание, а серые многоэтажки душили унылым уютом. Я сбежала оттуда, выжженная предательством до самого основания. Но здесь, на краю пустыни лед наконец-то таял. Я впускала в себя энергию сотен лет этой культуры. Каждое движение я оттачивала с замиранием сердца, влюбляясь в тягучие мотивы тараба и современный ритм. Танец превратился в мое личное признание в любви к жизни. Я парила над сценой, сотворяя из воздуха бессловесную повесть о любви и свободе, понятную без перевода. Этот вечер был невероятно красивым: затачивался серп молодой луны, у загонов при отеле опускались на колени ленивые верблюды, а над темными барханами сговаривались огромные низкие звезды.

Танцуя, я скользила взглядом по лицам гостей и вдруг я наткнулась на него. Он сидел чуть поодаль, в тени шатра. Его белая кандура сияла на границе света и тени, как саван. Он не ел, не разговаривал, словно замер во времени. Пока остальные смотрели на рисунок моего танца, он смотрел в мои глаза, словно искал в них ответы на свои вопросы. Я сделала «шик» — резкое движение бедрами, и золото на моем костюме вспыхнуло, как рой искр. «Шак» — бедро опустилось вниз, «шок» — и мягкий удар животом, следующим за

моим взглядом. Моя тень, длинная и текучая, накрыла его стол, скользнула по его лицу. Через подошвы ног я осязала его душу и рисовала ее узор в мелкой тряске бедер, рассыпая её на миллионы искр, содроганий и внутренних импульсов. Я танцевала свою свободу, а он видел в этом свой приговор.

Шоу закончилось, но серебряные брызги всё еще плясали в моих ушах. Я набросила на плечи шелковую накидку и вышла за пределы освещенной площадки, туда, где пальмы луной рисовали темные лоскуты.

Я почувствовала его присутствие раньше, чем услышала шорох. Он стоял в тени, словно боялся спугнуть мгновение, как дикую птицу.

Когда он вышел из тени пальм, я впервые разглядела его не как зритель, а как женщина. В нём не было изнеженности городских арабов. Это было тело человека, выросшего в суровых краях: подтянутое, высеченное, с крепкими мускулами, которые я угадала даже под свободными складками кандуры.

На меня посмотрели глубокие, цвета крепкого кофе глаза под плотным черным навесом ресниц, которые казались тенью от крыла ночной птицы. Этот взгляд был парадоксальным: в нём читалась опасная мужская уверенность и в то же время обезоруживающая, искренняя открытость.

— Вы... Вы очень красиво танцуете. — Он замолчал, словно подбирая слова. На мгновение показалось, что весь его привычный эмирский апломб куда-то испарился, усту-

пив место чистому, непритворному волнению. Без сценического света он выглядел еще более фактурным.

— Спасибо, — я улыбнулась, стараясь смягчить его волнение. — В этой пустыне сложно танцевать иначе. Она сама задает ритм. — Его рука потянулась к карману, и на мгновение мне показалось, что он достанет подарок, но он просто сжал пальцы, словно ища опору. Представляю, как это выглядело со стороны. Словно меня преследует маньяк бедуин под пальмой. Саиф сделал небольшой шаг навстречу, посягая на суверенность моего пространства. В его осанке не было наглости, свойственной богатым арабам, — он вел себя на редкость сдержанно и уважительно, но взгляд обличал насколько сильно его зацепил мой танец.

— Меня зовут Саиф. Не могла бы ты дать мне свой номер телефона?

— А вы местный? — я смерила его испытующим ироничным взглядом, доставая телефон.

— Да, я из Эмиратов. А что?

— Ну раз ты местный значит тут живёшь и не просто приезжий на две недели.

— Если ты дашь мне номер мы можем пойти куда-то в выходной и прогуляться вместе. Здесь есть развлечения.

Я продиктовала цифры, сама не зная почему. Ступни горели после шоу, в пальцы вьелся песок, и во всём теле осталась только одна бескомпромиссная потребность — запереться в своем номере, смыть макияж и раствориться в по-

душках. Сил на то, чтобы анализировать этот вечер, больше не оставалось

Он начал мне писать сразу, даже не давая возможности протереть пятки. В этой уединённой пустыне приличная де-вушка — товар штучный и дефицитный, поэтому Саифу явно не терпелось поскорее за столбить свою территорию. Он прекрасно понимал местный закон песков: если ты будешь долго раздумывать, голодные до женского внимания конкуренты перехватят добычу в тот же миг. Собственно говоря, я об этом думать и не хотела. Да я и сама ещё была распята на кресте моей первой любви, который бросил меня и женился на другой на моих глазах. Он хладнокровно вырезал меня из своей жизни, принеся мою верность в жертву алтарю семейного благополучия с той, чья главная добродетель — не иметь собственного лица. Наблюдая за этим фарсом белого кружева его свадьбы, я задыхалась от ядовитой смеси боли и презрения. Какая ирония — он искал спасения от моей любви, а нашел лишь уютную тюрьму, где за вежливыми улыбками он будет медленно гнить, пока я, окончательно выжженная его предательством, учусь дышать этим ледяным воздухом свободы. Впрочем, в пустыне он казался не таким ледяным и жар моего танца помогал мне забыться хоть ненадолго.

Пустыня для меня — это не пустота, а живое, дышащее золото, в чьем безмолвном величии я наконец — то слышу саму себя. Когда я танцую, и кристальная бахрама отзывает-

ся звоном разноцветных камней под ритм дарбуки, я становлюсь частью этих бескрайних дюн, гибкой и неукротимой, словно ветер шамаль. Я работаю в арабском отеле. Аутентичном. Здесь есть ферма верблюдов и лошади. Я прикасаюсь руками к красивым статуэткам соколов, вижу арабские узоры на люстрах, ковры расшитые золотом и каждый раз не могу надыхаться этим. Музыка арабская звучит фоном не только в отеле, но и в моей комнате — я включаю её, возвращаясь после выступления. Она же звучит и во время танца. Музыка уносит меня к началу времен. Туда, где зародился самый древний, самый женственный танец на земле — танец живота. Ракс Эль Шарки. Это мой танец. Моя стихия.

Моя внешность часто заставляет людей спорить. Разглядывая меня со стороны зрители отчаянно пытаются разгадать мои корни, но каждый раз заходят в тупик. Изящный летящий разлет бровей, графичные линии скул и царственная пластика заставляют их теряться в догадках. Кто-то из гостей видит во мне иранку, кто-то — южную славянку, и никто никогда не угадывает, откуда я точно. Но, пожалуй, все дело в глазах. Большие, редкого изумрудного цвета. Очень живые и открытые. Они смотрят на Эмираты с искренней чистой любовью – к этой величественной культуре, к гордым соколам, к гостеприимству, застывшему в аромате уда. Я безоговорочно влюбилась в этот золотой песок. И где-то там, за горизонтом, где золотые волны вскипают у края неба, меня ждет моя судьба, ради которой стоило пройти через всю

прошлую боль.

Махраганат

Когда его машина затормозила у моего отеля, солнце падало отвесно, превращая асфальт в жидкое зеркало. Саиф улыбался. Он не сказал, куда мы едем, просто пообещал: «Тебе понравится». Мы приехали к огромному, причудливому зданию посреди выжженной равнины. В сезон здесь бурлил знаменитый фестиваль верблюдов, но сейчас, в межсезонье, комплекс спал. Огромный павильон встретил нас гулкой, прохладной пустотой. Никого. Только мы двое и эхо наших шагов по блестящему полу. Саиф заговорщически улыбнулся, достал телефон и через секунду под высокие своды павильона ворвался гипнотический египетский махраганат.

— Танцуй, Аксинья, — его голос прозвучал почти как вызов, но в глазах плясали искры. — Покажи мне!

Я растерялась. Шоу давно закончилось и на мне были обычные джинсы и футболка, никакого сценического хрусталя и зеркал. Но музыка уже текла по венам. Я сделала первый шаг, потом удары бедром, восьмерки и каракатицы. Пустой зал подхватил звук, усиливая его в сотни раз. Саиф шагнул ко мне. Сбросив восточный панцирь строгости, он начал пританцовывать рядом, неумело, но так искренне, лоя мои движения руками, подхватывая уличную волну. Мы кружились в этом пустом бетонном пространстве, и в тот мо-

мент я подумала: «Как здорово! Закрытый гордый эмиратец и махраганат!». Обычно под эту музыку танцуют на улицах и в барах Каира. Но он любит ее! В ту минуту мы говорили на одном языке - языке этого качающего ритма. Мы танцевали и смеялись, повторяя слова песен Хасана Шакоша и его «соседской девчонки» и я была очень счастлива.

Потом, наплясавшись, мы выдохнули в машине, выпили воды, и он меня повез меня развлекаться дальше. Мы приехали в боулинг, хотя, честно говоря, от переизбытка эмоций я бы и не отказалась по мишеням пострелять, чтобы выплеснуть остатки адреналина. Но вместо стрелкового оружия я брала эти тяжелые шары, прицеливалась с самым серьезным видом и запускала их совершенно нелепо, мимо всех кеглей, прямо в желоб. Я оборачивалась, со смехом, принимая свое полное поражение и Саиф тоже хохотал. Он подошел сзади, когда я в очередной раз замахнулась шаром. Его ладони легли мне на талию — якобы для того, чтобы скорректировать замах, но я почувствовала, как изменилось его дыхание. Тяжелый шар выскользнул из моих пальцев и с глухим стуком покатился по дорожке, снова улета в желоб. А я медленно обернулась в его руках. Вскинув брови я посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

— Эй... почему ты меня трогаешь? Арабская женщина такого не разрешит до свадьбы. А меня, значит, можно? — Саиф ни на секунду не растерялся. В его темных глазах вспыхнул откровенный, горячий азарт, от которого у меня

взбунтовался пульс. Он обнял меня чуть крепче, наклонился к самому уху и тихо, с усмешкой ответил:

— Но ты ведь не арабка.

— Ах вот как? — я возмутилась, пытаюсь высвободиться — Значит, с иностранками правила не работают?

— С иностранками — нет, — он рассмеялся, и его шепот опалил мне шею. Саиф на мгновение прижал меня к себе так близко, что я почувствовала частый шаг его сердца. — А с тобой, Аксинья, правила вообще исчезают. Кидай уже свой шар, чемпионка.

На следующей неделе Саиф вез меня вглубь Ливийской пустыни. Идиллия боулинга сменилась чистым колоритом. Посреди бескрайних барханов, словно из ниоткуда, выросло ограждение — огромный загон, где копошилась целая орава верблюдов. Я на секунду растерялась перед этой стеной из живой, фыркающей массы. Верблюдов было много, они тянули свои длинные шеи и шумно требовали внимания.

— Не бойся, Аксинья, — Саиф улыбнулся и вложил в мою ладонь кусок свежего хлеба. Я подошла к ограде, держа спину ровно, как на сцене. Страх колотился в груди наперебой с восторгом. Смесь адреналина и трепета — чистый кайф! Огромная верблюжья морда наклонилась ко мне, и я замерла. Их толстые, мягкие, бархатные губы аккуратно и нежно, слизывали хлеб прямо с моей открытой ладони. Это было и жутко, и щекотно, и до безумия круто. Я смеялась во весь голос, оборачиваясь на Саифа, который смотрел на ме-

ня так, будто я только что укротила целое стадо львов. Пока я раздавала угощения, местные работники в длинных робах подозвали нас ближе. Пару минут ловких движений — и они протянули нам пиалы с теплым верблюжьим молоком. Я остановилась в нерешительности, разглядывая непривычный напиток с осторожностью, и долго настраивалась на то, чтобы сделать первый глоток. Я волновалась вдруг мое тело не примет такой редкий продукт. Глядя на то как работники пакистанцы и Саиф пьют молоко смело и легко, я все-таки сделала глоточек. Сладковатый, непривычный вкус, но мне понравилось. Мы допивали его прямо там, под палящим солнцем, чувствуя себя настоящими кочевниками. А вокруг нас царила смиренная тишина пустыни.

Упрямая верность.

В трёхстах километрах от отеля у подножия гор Аль-Айна каменная пустыня уступала место зелени древнего оазиса. Женская половина дома семьи Аль-Мансури погружалась в ночную прохладу. В комнате пахло сухой лавандой, дорогим камбоджийским удом и мятным чаем. Свет от резного медного светильника отбрасывал на стены живые ползущие тени, похожие на сплетение рогов орикса. Лейла сидела на широкой софе, прислонившись спиной к вышитым подушкам. Её длинные пальцы двигались плавно и размеренно — она медленно, круговыми движениями втирала в запястья масло темной таифской розы. В углу комнаты дремлюще поблёскивали кованые сундуки с её нетронутым махром — ливанским атласом и брусками благовонных смол, которые пылились здесь с той самой роковой ночи, когда их общая жизнь раскололась надвое. Пять долгих лет Лейла послушно несла свой траур, оставаясь для Саифа его единственной нареченной по закону предков. Её мать, сидевшая напротив, налила чай в маленькие пиалы. Поднявшийся ароматный пар на мгновение скрыл её строгое лицо. Почти шёпотом, она сказала:

— Твоё предсвадебное уединение затянулось на годы, дочь моя. Саиф совсем забыл дорогу к родному порогу. Город портит кровь наших мужчин. — В их женских разгово-

рах на базаре и в гостях давно шепчутся, что Дубай ослепляет ядовитыми огнями, манит развратом и доступностью чужестранок. — Закон Урфа[2]² крепок, но Саиф слишком долго дышит этим порочным воздухом. — Лейла подняла глаза:

— Пусть бежит за ветром, уми, — её голос прозвучал ровно, — Мужчина в пустыне может пить из любого грязного источника, когда иссушен жаждой. Но возвращаются они всегда к подножию своего родного купола. Саиф связан со мной не просто обещанием отцов. Наш брак — это его возвращение к роду после всего, что он потерял. Ему придётся закрыть этот счёт перед племенем. И он придет. — Мать посмотрела на дочь с глубоким уважением и явным одобрением. Эта девочка была соткана из бедуинского упрямства. Она умела держать осаду так, как умеет ждать сама пустыня — безмолвно и беспощадно.

А на другом конце предрассветных песков Саиф заглушил мотор у чужого замка.

² Урфа (*араб. Аль-Урф*) — неписанное право и строгий кодекс чести бедуинских племен оазиса Лива, веками регулировавший жизнь в пустыне Руб-эль-Хали до появления современного законодательства ОАЭ.

Песок

Время в Эмиратах течет иначе. Позади шестьдесят дней изнуряющего боя с собственным притяжением – два месяца пока Саиф осаждал меня своим вниманием, а я отчаянно держала дистанцию. Долгое ожидание сгущало воздух между нами. Пространство сужалось до размеров ковра и скрывать взаимный голод становилось уже невозможно.

Вечер опустился на дюны внезапно, спрятав нас под нежным покровом неба, по которому кто-то щедро рассыпал звезды. Его Лэнд Крузер стоял рядом, а мы сидели на расшитом полотне прямо посреди бескрайнего золотого безмолвия. Он включил колонку с музыкой. Это был халиги. Мой любимый арабский ритм. В переводе «халидж» означает «залив». Я танцую заливский танец халиджи тоже. Он интересен тем, что движения головой имитируют голову верблюда. Я много танцевала этот танец в Дубае, так как местные там его очень любят, а потом я лечила свою шею от перенагрузок. Но самое красивое в этом танце это движения волосами. Они имитируют волны и восьмерки в воздухе. Этот танец очень отличается от танца живота. Он даже исполняется в длинной закрытой абайе, расшитой канителью и кристаллами. Я люблю Халиджи. Услышав знакомый ритм, я начала делать характерные верблюжьи движения и Саиф подхватил их. У него получалось! С абсолютной точностью он ловил

эту пластику, гипнотически двигая шеей вперед и назад в такт ударам. Я оказалась рядом с носителем культуры моего танца. Он делал эти движения лучше меня. И вдруг мы синхронизировались и превратились в верблюдов на песке. В ту секунду вокруг нас замкнулся невидимый золотой контур и меня обдало дурманом. Ритм залива всегда напоминал что-то трансовое по стилю исполнению.

Если бы любой западный человек увидел, как мы имитируем верблюдов он бы решил, что мы накурились травки, но в этом и есть суть заливской музыки - расслабиться и слиться с природой.

Меня поражало, с каким спокойным достоинством он колдовал над ужином: в свете электрической плитки аромат пряной курицы с овощами разливал вокруг домашнее тепло.

— Знаешь, в этом есть какое-то чудо, — нарушила я тишину, наблюдая, как он берет горсть сухого песка и начинает начищать им пустую чашку. — У тебя есть электрический огонь посреди пустыни, но ты моешь посуду так, будто на дворе всё еще древний век.

Он негромко рассмеялся, и этот звук слился с сухим шорохом песчинок под его пальцами.

— Песок — это самое чистое, что создала природа, — Ответил он, не отрываясь от дела. — Вода в пустыне — это жизнь, её нельзя тратить на фарфор. К тому же, песок помнит всё: он очищает не только посуду, но и мысли.

Я смотрела на его руки, уверенные и сильные, и понима-

ла, что эта простая привычка трогает меня сильнее любых наигранных изысков.

— Поэтому пустыня всегда окутана загадкой в глазах людей западных? — Прошептала я, принимая из его рук идеально чистую, теплую чашку. — Чтобы ее понять в ней надо родиться. В этих песках, в дюнах, в тишине.

Я приподнялась с ковра, желая помочь ему собрать посуду, но едва мои пальцы коснулись края подноса, все пространство вокруг потеряло вес. Саиф опустил поднос и в следующую секунду оказывается рядом мгновенно. Его ладони властно и нежно обхватывают моё лицо, фиксируя меня в пространстве, словно священный артефакт, который он наконец решил присвоить. Его губы накрывают мои с первородным безумием. От него пахнет неволей и дикой свободой. Я чувствую, как его пальцы слегка дрожат у моих висков, в то время как поцелуй становится глубже, властнее, вытягивая из меня саму душу и, подчиняя каждую мою мышцу его сильным рукам. Я увязла в запахе его кожи, готовая упасть ниц перед высшей волей.

Это было похоже на приход в полумрак древнего храма, где еще страшно от чувства совершенного греха, но уже легко от божественного принятия.

Когда его губы наконец отпускают мои, пустыня вокруг кажется оглушительно немой. В этом безмолвии мы замираем, глядя друг другу в глаза, читая беззвучную молитву. В этой сакральной пустоте дюн рождается нечто большее, чем

голос тел — кровное узнавание, превратившее нас в двух паломников у алтаря бесконечной ночи.

А потом нас окутывает тихий рокот мотора и мелькающие огни ночного шоссе. Мы успеваем съехать с диких песков Ливы на асфальтированную трассу, и только свет фар выхватывает из темноты бесконечные полосы асфальта. Внезапно в зеркале заднего вида вспыхивают красно-синие огни. Пульс подскакивает мгновенно. Полиция. В этой стране ночные свидания в пустыне, когда вы не женаты, — это всегда прогулка по лезвию бритвы. Один неверный донос, подозрение в нарушении общественной морали, и меня могли выслать из страны или, что еще унижительнее, принять за одну из тех золотоискательниц, что ищут удачи у богатых локалов. Мое сердце колотится так, что, кажется, его слышно снаружи. Саиф остановился и медленно опустил стекло. Офицер в форме подходит к машине, его взгляд холодный и изучающий. Я замираю, стараясь не дышать.

— Ваши документы, — Звучит сухо. Саиф протягивает наши ID, и в его движениях нет ни намека на уязвимость. Зафиксировав взгляд на лице полицейского он уверенно произносит:

— Это моя девушка. Мы едем домой. — Он сказал это вслух. Перед представителями закона. Перед государством, которое этого не одобряет. Он прикрыл меня своим именем, своим статусом, своим спокойствием. В ту секунду он был бедуином-защитником, за которым я готова была идти

в глубь Умм-эль-Самим[3]³ Полицейский вернул документы и кивнул.

Мы тронулись. Первым рассмеялся Саиф: легко и азартно, как-будто только что выиграл в опасную игру.

— Аксинья, с тобой вечно какие-то приключения! — он качает головой, не сводя глаз с дороги.

— Не со мной, а с тобой! — Отвечаю я, чувствуя, как адреналин медленно сменяется облегчением. — Это ты заезжаешь туда, где нас ищут неприятности.

— Ну ладно, — он широко улыбнулся, накрывая мою руку своей. — Это я виноват, Хабиби.

Я улыбалась в ответ, глядя на его профиль. В тот момент я верила: если он смог признать меня перед законом, значит, он сможет признать меня и перед семьей.

Впервые за долгое время мне не хотелось привычно закрыться, выставить колючки и убежать от близости. Мои травмы, обычно пульсирующие под кожей, в эту ночь затихли, убаюканные его спокойной силой и тем, как бережен он был со мной.

³ Умм-эль-Самим («Мать ядов») – смертельно опасная, закрытая область зыбучих солончаков на границе Омана и Саудовской Аравии, где бесследно исчезали целые караваны.

3. ОДЕЯЛО ИЗ СОЗВЕЗДИЙ

«Я слышу тебя, аромат миндаля
Уведи за собой, отдаюсь до конца
Эхом молитвы, ладони открыты
Знаменье Творца.
Танцую в тебе, тело дрожит
Сердца ритм мной говорит
Зеленый каштан, я читаю Коран
Слышишь? Зовет барабан.
Колдуньей зовешь, обнимаешь, как Бог
Несчастья убьешь, на любовь обречешь
Горы песка, обнаженная я
Следы молока, поглощай меня»
А к с и н ь я

Это были дни, сотканые из парчового золота и пахнущие бахуром. Время превратилось в бесконечный поток из его тихих звонков на рассвете, долгих поездок по бесконечным дорогам среди песков и взгядов, в которых я больше не искала подвоха. Мы стали друг для друга своего рода убежищем: он открывал мне Эмираты, которые не увидит ни один турист, а я позволяла ему заглядывать в те уголки своей души, где раньше горел только аварийный свет. В эти месяцы я почти поверила, что мои шрамы затянулись, а песок пу-

стыни надежно похоронил под собой всё то, что заставляло меня вздрагивать от каждого резкого звука в прошлом. Все еще где-то внутри я понимала, что хожу по канату над пропастью, но, несмотря на мою израненную душу, это было время безоблачной чистоты, когда казалось, что были только мы и горячий ветер пустыни. После моего шоу в полночь в отеле всё замирало, но для меня в этот час жизнь только набирала обороты. Телефон вибрировал коротким: «Я за воротами. Жду». Сердце пускалось в галоп, обгоняя ритм самой быстрой табы. Чтобы не плодить слухи среди персонала и не давать повода для косых взглядов, я совершала свой личный обряд превращения. Я накидывала черную шелковую абайю прямо поверх сценического грима или домашнего платья. Одно движение — и яркая танцовщица исчезала, растворяясь в тени. Я скользила по коридорам отеля, как призрак, бесшумно ступая по мрамору в мягких туфлях. В этом был пьянящий драйв: бежать через служебный выход, чувствуя, как прохладный ночной воздух касается лица, и видеть на горизонте свет его фар. Он ждал, не выходя из машины, как заговорщик. Я запрыгивала на переднее сиденье, скидывала с головы темный капюшон, и он смотрел на меня так, будто я только что совершила побег из самой охраняемой крепости мира. Он любил называть меня принцессой из замка. Мы срывались с места, уносясь вглубь Ливы, прочь от камер, правил и чужих глаз. Саиф глушил мотор и за секунду расстилал на песке наш привычный ковер. Оказавшись

там, укрытые тяжелым одеялом из созвездий, мы были единственными живыми людьми во вселенной. Я лежала в его руках, всё еще чувствуя кожей шелк абайи, и мы много смеялись — от облегчения, от этой тайны, от того, что мы обманули всех. Он дрожал от счастья, прижимая меня к себе, а я верила, что если мужчина готов вот так, в полночь, украсть тебя у целого мира, значит, этот мир никогда не сможет нас разлучить.

Мы целовались как сумасшедшие — так, будто пытались надышаться друг другом на всю оставшуюся жизнь. Его губы были горячими, со вкусом пряного карака и ночного ветра.

В какой-то момент он отстранился и, глядя мне прямо в глаза, прошептал:

— *My green eye...* — затем тихо добавил — Я буду учить тебя арабскому — сказал он, зарываясь пальцами в мои густые волосы. Он открыто улыбнулся и продолжил:

— Повторяй за мной: *Сабах эль-нур. Утро света.*

— *Сабах... эль... нур?* — я выдала это с таким старательным акцентом, что сама невольно рассмеялась.

Он бархатно рассмеялся, запрокинув голову к звездам.

— Нет, моя Хельва, это звучит так, будто ты пытаешься напугать песок. Глубже, вот здесь, — он коснулся пальцами моих губ, — *Са-бах эль-нур.*

Я повторяла снова и снова, намеренно коверкая слова, чтобы еще раз услышать его смех. Мне нравилось это ученичество: он поправлял моё произношение, словно вылепли-

вал из них новое звучание. В тот миг эти простые фразы — приветствия, пожелания мира, признания — казались мне тайными заклинаниями.

— Хабиби. Моя Хабиби

— ХабибиЧек!— ответила я.

— Хабибичек...— Саиф с удовольствием повторил это новое для себя слово, пробуя его на вкус, и я увидела, как он недоуменно, но очень тепло рассмеялся.

— Почему Чек?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.